

Дождавшись, когда Фань Сянь покинет Двор всеобщего благоденствия, четверо учёных в комнате растерянно переглянулись, как будто не в силах поверить, что с неба на них свалилась такая огромная удача.

— Но это же прекрасно! — Ян Ваньли в ошеломлении уселся на кровать. Чэн Цзялинь и Ши Чаньли, поздравив его, добавили в шутку:

— Теперь брат Ян наверняка доберётся до поста премьер-министра или министра финансов, карьера его пойдёт как по маслу.

На простом и честном лице Ян Ваньли отразилось уныние:

— Я всегда восхищался талантом молодого господина Фаня и этот экзамен сдал во многом благодаря поблажкам от него. Подозреваю, что он приложил много усилий при проверке работ, но... было бы лучше, если бы господин Фань сегодня не приходил сюда.

Чэн и Ши потеряли дар речи, понимая, что Ян Ваньли подозревал, будто Фань Сянь, похоже, гоняется за популярностью.

Хоу Цзичан, который всегда был скрытым главарём их группы, улыбнулся, покачал головой и сказал:

— Если бы господин Фань гнался за популярностью, ему не нужно было бы приходить сюда лично. Ваньли, ты слишком мнительный. Я уже решил, что отныне, исполняя свой долг при дворе, буду следовать интересам молодого господина Фаня.

Ши Чаньли был ошеломлён, не понимая, почему всегда гордившийся своей бескорыстностью брат Хоу вдруг изменил своей натуре.

Ян Ваньли покачал головой:

— Я знаю, что на каждом экзамене ученики обретаю учителей, это общепринято. Однако брат Хоу знает, что я всегда уважал талант молодого господина Фаня, и из-за того, как он поступил, когда я пытался пронести кое-что в экзаменационный двор, я ещё более заужал его характер. Поэтому я всегда надеялся, что он немного отличается от этих придворных и чиновников, вот и всё.

— Прояви гибкость, прояви гибкость, — упрекнул его Чэн Цзялинь. — Хотя господин Фань обладает поэтическим талантом, он также является чиновником при дворе и сыном влиятельного человека, и для него приехать сюда лично было не просто. Брат Ваньли, неужели ты надеялся, что молодой господин Фань — настоящий бессмертный, не вкушающий земной пищи? Кроме того, в этом брэнном мире настоящий бессмертный не обязательно лучше толкового чиновника с опытом планирования.

Ши Чаньли хлопнул в ладоши и восхищённо сказал:

— Хотя брат Цзялинь сказал мало, он высказался исчерпывающе, — обернувшись к Ян Ваньли, он добавил: — Говоря об уважении, Ваньли, ты, равно как и я, часто почитываешь стихи из сборника «Стихов кабинета полупраздности» и всю сотню с лишним можешь цитировать наизусть. Но сегодня я увидел господина Фаня и ничуть не разочарован. Почему? Потому что стихи — это зов сердца. С молодым господином Фанем мы можем чувствовать себя вольно, разве можно его сравнивать со всякими продажными чиновниками?

Он улыбнулся и продолжил:

— Когда я шёл сюда с жареной курицей, в переулке было не так много людей с зонтиками. Я люблю похулиганить, поэтому, увидев прелестное лицо молодого человека под зонтом, я решил, что впечатление он производит приятное, а сделанные им замечания непривычны и пугающи. Так что я нагло забрался под его зонт и шёл с ним всю дорогу. Если бы на его месте был обычный высокопоставленный чиновник, разве стал бы он терпеть мою грубость? Напротив, господин Фань широко улыбался, шёл со мной рядом и не испытывал никакого неудобства. В гостинице, узнав, что это Фань Сянь, я, честно говоря, немного удивился. Фань Сянь, Фань Сянь, ты ничуть не разочаровал меня.

Только сейчас все поняли, что случилось раньше. Неудивительно, что Фань Сянь упомянул, что поделил зонт* с Ши Чаньли. Это чувство вызвало у них произвольные улыбки. Ян Ваньли сконфуженно почесал затылок:

— Может быть... я просто испытываю разочарование от разбившихся иллюзий? Мне всегда казалось, что молодой господин Фань должен быть из тех достойных людей, которые, возлежа в виноградной беседке, рождают тысячи стихов и игнорируют грязные придворные дела.

Хоу Цзичан не согласился, покачал головой и холодно ответил:

— Такой человек кажется утончённым и чистым, но на самом деле он бесполезен для страны и народа. Если господин Фань действительно из таких придворных, я стал бы презирать его.

— Вряд ли, вряд ли, — вздохнул Ян Ваньли.

Хоу Цзичан слегка улыбнулся:

— Скажу, не страшась ваших насмешек. Как учёный может послужить государству? Только став чиновником при дворе. Однако политика — вещь ужасно сложная, как понять её посторонним вроде нас? Так что молодой господин Фань пришёл сегодня не потому, что нуждается в нас, а потому, что он знает: мы нуждаемся в нём.

Он помолчал и добавил:

— Хотя я немного заносчив, я вовсе не какой-то не знающий меры педант. Поскольку нам выпала такая возможность, конечно, мы должны ею воспользоваться. Если мы должны встать на сторону определённого чиновника, то господин Фань будет для этого лучшим вариантом. Кажется, только его будущие действия при дворе наименее противоречат нашим постоянным убеждениям.

Все в один голос спросили:

— Почему?

Всех и так немного удивлял решительный настрой Хоу Цзичана, но в этот раз, когда он снова подчеркнул его, всем стало ещё любопытнее.

Хоу Цзичан взял чайную чашку со стола, посмотрел на стоящий рядом недопитый чай Фань Сяня и словно глубоко задумался. После долгого молчания он сказал:

— Знаменитость нашей эпохи, гуляя в дождливый день, остерегается, чтобы вода с его зонта не капала в котелки уличных торговцев, укрывающихся от дождя по бокам улицы, и скорее наклонит зонт в сторону дороги и промокнет. Если такой внимательный и великодушный человек не великий злодей, то он великий мудрец.

Он улыбнулся и добавил:

— Семнадцатилетний юноша не может так хорошо и постоянно притворяться, поэтому я считаю, что молодой господин Фань — великий мудрец. Моё суждение так просто, потому что меня растрогало то зрелище под дождём.

В комнате воцарилось молчание, а спустя долгое время раздался лишь вздох.

На второй день на красной стене слева от экзаменационного двора наконец была вывешена жёлтая бумага, которую, задрав головы, разглядывали экзаменующиеся. Правила отбора талантов на весеннем экзамене в государстве Цин были вовсе не сложны: после провинциальных экзаменов проводились столичные, на которых отбирались кандидаты в первую тройку. В императорском списке они располагались не по заслугам, а по числу черт в имени.

Численность кандидатов в первую тройку из года в год была разной. Поскольку на третьем году Цин проводился дополнительный экзамен по высочайшему соизволению, количество учёных, набранных в следующие два года, было совсем небольшим. В этом году в императорском списке было всего сто восемь имён. Именно из-за их небольшого количества что ученики столичного Тайсюэ, что рекомендованные к экзаменам студенты из разных округов,

приехавшие в столицу, немного нервничали.

К западу от экзаменационного двора есть мост. Чтобы подойти к красной стене и прочитать список, нужно пересечь его. Сейчас под красной стеной толпилось множество студентов в долгополых одеяниях, в волнении выискивающих на жёлтой бумаге своё имя.

По другую сторону моста медленно шли Хоу Цзичан и Ян Ваньли, в душе словно напившиеся успокоительного. На мосту ещё остались лужи от вчерашнего дождя, а мох между каменными плитами был необычайно скользким. Пока они четверо шли туда, Чэн Цзялинь чуть не поскользнулся, вызвав взрыв смеха, и сам тоже посмеялся над собой. Хотя он и Ши Чаньли шли так же медленно, как и их друзья, в глубине души они не могли не беспокоиться.

Подойдя к красной стене, четверо с большим трудом протиснулись в толпу. Они начали читать с левой стороны. Неизвестно, как долго они искали, пока вдруг не раздался радостный вопль Ши Чаньли:

— Брат Хоу, брат Хоу! Попал! Попал!

Услышав голос Ши Чаньли, остальные трое поспешили к нему. И действительно, в третьей строке сверху сияло имя Хоу Цзичана. Они не могли сдержать возбуждения. Ян Ваньли похлопал Хоу Цзичана по плечу, улыбаясь во весь рот.

Хоу Цзичан улыбнулся, пытаясь показать немного самодовольства, но ведь это было такое значительное событие! Хоть он и называл себя высоконравственным, но, думая о десяти годах тяжёлой учёбы, об ожиданиях своих родителей и о завистливых взглядах окружавших его студентов, он не мог не трепетать в воодушевлении, счастливо улыбаясь во весь рот.

В это время имя «Хоу Цзичан», написанное золотом в императорском списке, сверкало искрами в солнечном свете, словно драгоценность, словно лежащие впереди блестящие жизненные перспективы.

Теперь они больше не разделялись и внимательно просматривали список слева направо. Через некоторое время им наконец удалось найти в списке имя Ян Ваньли, и только тогда они действительно поверили тому, что вчера сказал господин Фань. Ян Ваньли вне себя от радости смотрел на своё имя в императорском списке, его глаза покраснели, и, запинаясь, он бормотал себе под нос: «Правда попал, правда попал».

Он вдруг пронзительно завопил, выскочил из толпы, подбежал к мосту и начал громко кричать на воду под ним. Звук гулким эхом отразился от каменного пролёта.

Трое друзей смотрели на него с улыбкой, зная, почему он так взволнован: Ян Ваньли потерял

мать в возрасте восьми лет и вырос один в Цюаньчжоу, всё благодаря отцу, который терпел голод и лишения, чтобы покупать ему книги, и убедил его вступить в ряды студентов и учиться до умопомрачения. Он с большим трудом сдал провинциальный экзамен и тогда отправился в столицу.

Но пробыв месяц в столице, Ян Ваньли понял, что у него имеется талант и его редкие рассуждения о принципах более приближены к реальности, чем у других учёных. Однако ничего нельзя было поделать с тем, что он происходил из удалённой провинции, где науки были в примитивном состоянии, поэтому он так и не овладел пышной риторикой столичных студентов и его экзаменационное сочинение о принципах управления страной было сухим и непривлекательным.

Поэтому даже близкие друзья вроде Хоу Цзичана и Ши Чаньли не думали, что он сможет попасть в список. Да и сам Ян Ваньли не питал никаких надежд, так что он потратил последние деньги, чтобы купить самый модный среди студентов халат на подкладке, спрятал в нём сочинение Ши Чаньли и решил рискнуть.

Как он мог подумать, что ещё до входа в экзаменационный двор его поймает посредник, Фань Сянь? Тогда Ян Ваньли чуть не умер от огорчения, решив, что его десять лет страданий окажутся лишь впустую потраченным временем. Он и не представлял, что молодой господин Фань даст ему второй шанс.

Выйдя из экзаменационного двора после экзамена, он так и не осмелился использовать шпаргалку за подкладкой. Естественно, стихи и сочинения, которые он писал, вовсе не были блестящими, поэтому он забросил все записанные им идеи и предался пьянству и веселью. Лишь услышав, что министр Го арестован и заключён в тюрьму, он немного обрадовался. Неожиданно господин Фань посетил его на Дворе всеобщего благоденствия, да ещё тайно дал понять, что тот может попасть в первую тройку.

После печали приходит радость, после отчаяния приходит надежда. Мотивация, полученная от этих чувств, не оставляла его и сегодня весь день. Когда, перейдя мост, Ян Ваньли стоял под красной стеной, ему всё сильнее казалось, что вчерашний визит господина Фаня был сном, что он не сможет попасть в список.

Но он действительно попал!

Ян Ваньли, глядя на своё искажённое отражение в текущих водах реки, понемногу успокоился и, естественно, понял, почему всего за несколько дней обрёл такую удачу. В душе он был очень благодарен этому молодому господину.

*зонт = “крыша”, покровительство. Т.е. Фань Сянь уже как бы оказывал Ши Чаньли покровительство.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/2499173>